

8 u

Est. A-16817

Handwritten red mark

S.
121

О ПЕССИМИЗМѢ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Е. В. ПѢтухова.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Матисена.
1897.

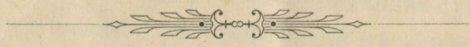
V. Ki. S. 5-121

О ПЕССИМИЗМѢ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Е. В. ПѢТУХОВА.

Inv. № 406.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Матисена.
1897.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского Университета“
№ 4, 1896 г.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

32153636

О пессимизмъ И. С. Тургенева.

Изъ публичной лекціи.

I.

Одною изъ важнѣйшихъ сторонъ въ историко-литературномъ изученіи поэтическихъ произведеній является настроеніе изучаемаго автора. Всякое поэтическое произведеніе, какъ бы оно ни было привязано къ дѣйствительной жизни, разъ оно принадлежитъ единичному автору, непременно будетъ въ той или другой мѣрѣ субъективно; поэтической субъективизмъ, въ широкомъ смыслѣ слова, есть непремѣнное условіе всякаго поэтическаго творчества, наиболѣе устойчивая сущность котораго и заключается именно въ претвореніи въ образы наблюдаемаго матеріала въ авторскомъ сознаніи и соотвѣтствующемъ его выраженіи. Характеръ этого субъективизма опредѣляется, между прочимъ, настроеніемъ автора, которое въ свою очередь является результатомъ нерѣдко многихъ, общихъ и частныхъ, общественныхъ и личныхъ, условій жизни и душевнаго склада автора. Наблюденіе и изученіе этихъ условій представляетъ немалый интересъ.

Тургеневъ, будучи, безспорно, однимъ изъ самыхъ чуткихъ и воспримчивыхъ нашихъ писателей, представляетъ въ своихъ произведеніяхъ богатый матеріалъ для такого рода наблюденій. Его поэтической субъективизмъ отчетливо сказывается въ большинствѣ его произведеній — крупныхъ и малыхъ; а есть между ними и такія, въ которыхъ авторское

настроение является душой всего произведения и составляет главнѣйшій его интересъ. Такимъ настроениемъ у Тургенева является мрачный взглядъ на жизнь, безотрадность, или, какъ принято выражаться, пессимизмъ.

Говоря о пессимизмѣ Тургенева, нельзя отдѣлять въ немъ писателя отъ человѣка. Мрачный взглядъ на жизнь является у Тургенева столько же достояниемъ его собственной души, чертой его личной жизни, сколько и отличительной особенностью его поэтического творчества. Художникъ въ немъ находился въ гармоніи съ человѣкомъ, и въ произведеніяхъ отражалось настроеніе ихъ автора. Поэтому, говоря о пессимизмѣ Тургенева, въ одинаковой мѣрѣ слѣдуетъ обращаться какъ, съ одной стороны, къ его письмамъ, воспоминаніямъ и признаніямъ, переданнымъ его современниками, такъ, съ другой стороны, къ его литературнымъ произведеніямъ.

Тургеневъ самъ признается, что онъ вообще не умѣлъ и не любилъ писать писемъ. Въ томъ писемъ Тургенева, изданныхъ вскорѣ послѣ его смерти¹⁾, и въ статьяхъ о Тургеневѣ, основанныхъ на его перепискѣ²⁾, мы находимъ сравнительно мало сообщеній Тургенева о самомъ себѣ, т. е. о своемъ настроеніи; это большею частію — письма дѣлового характера, но и они даютъ нѣкоторый матеріалъ для нашей задачи.

Извѣстно, что жизнь Тургенева въ самомъ началѣ сложилась для него невесело. Объ отцѣ своемъ онъ вспоминать не любилъ, хотя могъ его хорошо помнить, т. к. мальчику было уже 16 лѣтъ, когда С. Н. Тургеневъ скончался (30 окт. 1834 года). „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ“³⁾, говорилъ Тургеневъ, и объ одномъ изъ подвиговъ

1) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1884.

2) Особенное значеніе и интересъ имѣютъ тутъ статьи П. В. Анненкова: Молодость И. С. Тургенева (В. Евр. 1884, № 1). Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ (В. Евр. 1885, №№ 3—4; 1887, №№ 1—2).

3) Ив. Ивановъ. И. С. Тургеневъ. Жизнь-личность-творчество. Спб. 1896, стр. 9.

этого „ловца“ рассказалъ въ послѣдствіи въ повѣсти „Первая любовь“, основанной на семейныхъ преданіяхъ. О матери своей вспоминалъ онъ, также не безъ огорченія, какъ о „женщинѣ своевольной и властолюбивой“ 1). О впечатлѣніяхъ дѣтства Тургенева, которое по его собственнымъ словамъ прошло „среди побоевъ и истязаній“, вотъ что говоритъ его біографъ: „Громадный старинный домъ Тургеневыхъ въ сорокъ комнатъ представлялъ изъ себя гнѣздо всевозможныхъ нравственныхъ пытокъ и физическихъ мученій. Преданнѣйшіе слуги не были ограждены отъ страшныхъ обидъ и оскорбленій. У Варвары Петровны былъ старый дворецкій Поляковъ, вмѣстѣ съ женой служившій ей всю жизнь съ безпримѣрнымъ усердіемъ: въ награду его едва не убили наслѣдственнымъ костьюлемъ Лутовиновыхъ, и все-таки разжаловали и сослали въ дальнюю деревню. Жену того же Полякова измучили злѣйшей мукой, запрещая держать при себѣ и кормить своихъ дѣтей. Барыня старалась мучить именно того, кто ближе всего стоялъ къ ней, и, въ случаѣ защиты съ чьей-либо стороны, грозная опала распространялась на виноватыхъ и на защитниковъ. Особенное негодованіе госпожи возбуждалъ тотъ, кто начиналъ пользоваться любовью, расположеніемъ другихъ. Тогда придиракамъ, утонченнымъ издѣвательствамъ не было конца. Здѣсь ни во что ставили человѣческія слезы и человѣческое счастье. Разбить дорогое чувство, однимъ жестомъ разрушить надежду всей жизни, однимъ капризомъ обездолить цѣлую семью казалось своего рода праздникомъ, торжествомъ власти. . . . Сколько совершалось здѣсь драмъ, день за днемъ, никѣмъ не зримыхъ, никому не вѣдомыхъ!“ 2).

Дѣтскія впечатлѣнія Тургенева, по словамъ того же автора, были „безотрадны, часто драматичны“ 3). Нисколько не удивительно поэтому, что впечатлительный и даровитый юноша,

1) Письма, стр. 233.

2) Ивановъ, стр. 9—10.

3) Тамъ-же, стр. 20.

обдѣленный родительской любовью и сочувствіемъ и окруженный этой тяжелой атмосферой крупнаго права, противъ которой не могъ бороться, мало чувствовалъ себя связаннымъ съ роднымъ гнѣздомъ, и по окончаніи университетскаго образованія, въ 1837 году, побывавъ не на долго за границей и проведя затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, уѣхалъ въ 1847 году за границу окончательно и тѣмъ началъ свои одинокія заграничныя скитанія, изрѣдка прерываемыя пріѣздами въ Россію, которую онъ никогда не переставалъ горячо любить. Тургеневу, какъ извѣстно, не суждено было устроить свое личное счастье въ семьѣ, и это обстоятельство вмѣстѣ въ полуневольнымъ отсутствіемъ изъ Россіи составляетъ важную причину его душевной неудовлетворенности, страданій и жалобъ; впрочемъ, на послѣдія онъ щедръ не былъ; къ этому присоединилась еще болѣзнь (спинного мозга), долго не разгаданная врачами, мучившая его цѣлую жизнь и сведшая въ могилу среди тяжелыхъ физическихъ страданій.

Уже въ 1856 г. Тургеневъ писалъ гр. Л. Толстому изъ Парижа: „Болѣзнь моя порядкомъ мнѣ мѣшаетъ; да и кромѣ того я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь какъ мерзлая рыба при оттепели. Я уже слишкомъ старъ¹⁾, чтобы не имѣть гнѣзда, чтобы не сидѣть дома. Весной я непременно вернусь въ Россію, хотя вмѣстѣ съ отъѣздомъ отсюда я долженъ буду проститься съ послѣдней мечтой о такъ называемомъ счастьѣ“²⁾. Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ, также изъ Парижа, А. В. Дружинину о своемъ „препакоственномъ настроеніи духа“³⁾, Я. П. Полонскому — что ему „всячески скверно — и физически и нравственно“⁴⁾, Анненкову изъ Рима: „какъ мнѣ тяжело и горько бываетъ, этого я вамъ

1) Въ это время Тургеневу было 38 лѣтъ (род. 18 окт. 1818 года).

2) Письма, стр. 34. Тургеневъ разумѣетъ тутъ пребываніе въ семействѣ Віардо, съ которымъ познакомился въ 1845 году въ Петербургѣ.

3) Письма, стр. 42.

4) Тамъ же, стр. 47.

передать не могу. . . Прошутить я жизнь, а теперь локтя не укусишь. . . Увы! я могу только сочувствовать красотѣ жизни — жить самому мнѣ уже нельзя. Темный покровъ упалъ на меня и обвилъ меня; не стряхнуть мнѣ его съ плечъ долой“¹⁾. Въ 1858 г. онъ пишетъ изъ Рима Колбасину о неудовлетворительномъ состояніи своего здоровья, съ чѣмъ, думаетъ онъ, „придется маячиться до вожделѣннаго момента околѣнія“²⁾. Чѣмъ ближе Тургеневъ подвигался къ старости, тѣмъ чаще жаловался на скуку и отвращеніе къ жизни: „кто перевалился за 50 лѣтъ, не выйти тому изъ минорнаго тона“, пишетъ онъ въ 1868 году изъ Карлсруе Я. П. Полонскому³⁾, а въ слѣдующемъ году въ письмѣ къ нему же, изъ Бадена, къ недобрымъ вѣстямъ о своемъ здоровьѣ присоединяетъ: „должно быть, я также окончу дни свои какъ Панаевъ. Темная туча, которая у каждаго человѣка виситъ на горизонтѣ, надвинулась на меня своимъ передовымъ рукавомъ“⁴⁾. Въ 1871 г. въ письмахъ къ М. А. Милутиной изъ Лондона Тургеневъ говоритъ, что онъ „охладѣлъ къ себѣ“, что „нѣтъ ему нечего“ и что „лучше замолчать“⁵⁾. Въ 1873 году въ письмѣ Я. П. Полонскому изъ Парижа Т. пишетъ: „Холодъ старости съ каждымъ днемъ глубже проникаетъ въ мою душу, сильнѣе охватываетъ ее; равнодушіе ко всему, которое я въ себѣ замѣчаю, меня самого пугаетъ. За нѣсколько недѣль молодости — самой глупой, изломанной, исковерканной, но молодости — отдалъ бы я не только мою репутацію, но славу дѣйствительнаго генія, если бы я имъ былъ“⁶⁾. Въ томъ же году писалъ онъ А. А. Фету изъ Буживаля: „Вся моя жизнь потускнѣла, поневолѣ ослабли и старинныя связи“⁷⁾, а черезъ

1) В. Евр. 1885, № 3, стр. 10—11.

2) Письма, стр. 56.

3) Тамъ же, стр. 146.

4) Тамъ же, стр. 163.

5) Тамъ же, стр. 192, 195.

6) Тамъ же, стр. 213.

7) А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. II, М. 1890, стр. 277.

полтора мѣсяца ему же изъ замка г-жи Жоржъ Зандъ, гдѣ тогда гостилъ Тургеневъ: „Когда Вамъ приходится думать обо мнѣ, не забывайте, пожалуйста, что я сталъ теперь существомъ, постоянно, какъ часовой маятникъ, колеблющимся между двумя одинаково безобразными чувствами: отвращеніемъ къ жизни и страхомъ смерти“¹⁾. По словамъ Брандеса, Тургеневъ въ 1872 году такъ однажды говорилъ за обѣдомъ у Флобера своимъ французскимъ пріятелямъ: „Вы знаете, конечно, что иногда въ какой-нибудь комнатѣ, вдругъ неизвѣстно откуда появится запахъ мускуса, отъ котораго никакъ не отдѣлаешься. Такъ и мнѣ кажется, будто моя особа постоянно окружена запахомъ тлѣнія, разрушенія, смерти“²⁾. Въ письмѣ къ Я. П. Полонскому изъ Парижа, 1877 г., Тургеневъ дѣлаетъ слѣдующую выписку изъ своего дневника: „17/5 марта (1877 г.). Полночь. Сизу я опять за своимъ столомъ . . . а у меня на душѣ темнѣе темной ночи . . . могила словно торопится проглотить меня; какъ мигъ какой пролетаетъ день пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель. Ни права жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать“³⁾. „Человѣкъ я похеренный“⁴⁾, „личная жизнь моя прекратилась“⁵⁾ — читаемъ мы въ послѣдующихъ письмахъ Тургенева къ друзьямъ изъ заграницы. Письма двухъ послѣднихъ лѣтъ жизни Тургенева, несмотря на его нелюбовь говорить о своихъ страданіяхъ, наполнены жалобами на болѣзнь и самымъ мрачнымъ настроеніемъ: „Болѣзнь не только не ослабѣваетъ — пишетъ онъ въ маѣ 1883 года Я. П. Полонскому изъ Буживаля — она усиливается; страданія постоянныя, невыносимыя, несмотря на великолѣпнѣйшую погоду; надежды никакой, жажда смерти все

1) Письма, стр. 280.

2) Тамъ же, стр. 316.

3) Брандесъ, Георгъ. Новыя вѣянія. Пер. Э. Ватсона. Спб. 1889, стр. 186.

4) Письма, стр. 434.

5) Тамъ же, стр. 449, 503.

растетъ, и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали бы осуществленія желанія вашего несчастнаго друга“ 1).

Отсутствіе родной обстановки Т. чувствовалъ постоянно и какъ писатель и какъ человѣкъ: „Что касается до меня и до невыгоды житія за границей — писалъ онъ въ 1876 г. М. Е. Салтыкову изъ Парижа — вдали отъ родной почвы, вдали отъ столкновеній и состязаній, вы тысячу разъ правы, да переимѣнить это нельзя. . . Въ литературныхъ дѣлахъ я принужденъ, какъ медвѣдь зимой, сосать собственную лапу: отъ того-то и не выходитъ ничего“ 2). „Чтобы писать — говорилъ онъ нѣсколько позднѣе въ письмѣ къ Я. П. Полонскому — особенно теперь, надо жить въ Россіи; жить я тамъ постоянно не могу, ergo — писать не слѣдуетъ“ 3). „Меня не только тянетъ, меня рветъ въ Россію, да ты все-таки сяди“, писалъ онъ въ 1882 году д-ру Л. Б. Бертенсону 4). Когда въ 1882 году семья Полонскихъ должна была провести, по настоянію умиравшаго Тургенева, нѣсколько лѣтнихъ недѣль въ его родномъ селѣ Спасскомъ, то онъ писалъ имъ изъ Буживаля: „Когда вы будете въ Спасскомъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу — родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу“ 5), „пришлите мнѣ сиреневый цвѣтокъ изъ Спасскаго“ 6). Основнымъ тономъ этихъ грустныхъ признаній и жалобъ является постоянно пугавшая Тургенева мысль о смерти; по свидѣтельству П. В. Анненкова, мысль эта стала упорно развиваться въ немъ еще съ 1857 года, гл. обр. подъ влияніемъ болѣзни 7). Такимъ образомъ, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, а

1) Письма, стр. 547.

2) Тамъ же, стр. 281.

3) Тамъ же, стр. 329.

4) Тамъ же, стр. 535.

5) Тамъ же, стр. 437.

6) Тамъ же, стр. 440.

7) В. Евр. 1885, № 3, стр. 12-13.

также душевнымъ одиночествомъ Тургенева за границей могутъ быть объяснены и всѣ выше приведенныя грустные личныя признанія его, обращенныя къ друзьямъ и знакомымъ.

II.

Но неудовлетворенность Тургенева и мрачность его душевнаго настроенія, выходя за предѣлы его личной жизни и личныхъ сношеній, нашли себѣ выраженіе и въ его литературныхъ произведеніяхъ — тоже съ довольно ранняго времени. Грустные мотивы проскальзывали у него еще въ пору его стихотворной дѣятельности. Въ стихѣ „Вечеръ“, по его собственному признанію ¹⁾, первомъ его печатномъ произведеніи, поэтъ, описывая величавую тишину окружающей его природы, говоритъ :

Вездѣ покой — но не въ моей душѣ.

Онъ пытается спрашивать природу о тайнѣ жизни, о томъ, что будетъ послѣ нашей смерти, но :

Она молчитъ въ глубокомъ усыпленьи,
И грустно стало мнѣ, что ни одно творенье
Не въ силахъ знать о тайнахъ бытія ²⁾.

Другое стихотвореніе „Тоска“ оканчивается такимъ безотраднымъ признаніемъ :

. . . Мнѣ жить не суждено,
И я тяну, съ усмѣшкой торопливой,
Холодной злости, злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино! ³⁾.

Но полнѣе и лучше выразилось мрачное настроеніе Тургенева въ его произведеніяхъ, написанныхъ въ прозѣ, особенно въ повѣстяхъ и очеркахъ небольшого объема. Въ

1) Соч. I, 6.

2) Стихотворенія И. С. Тургенева. Изд. 2. Спб. 1891, стр. 146.

3) Тамъ же, стр. 166.

самомъ дѣлѣ, сколько глубокой, безысходной грусти, въ высоко поэтическомъ выраженіи, разсѣянно въ произведеніяхъ: „Живыя монцы“, „Несчастливая“, „Разсказъ отца Алексѣя“, „Дневникъ лишняго человѣка“, „Переписка“, „Фаустъ“, „Вешнія воды“! Въ нашей литературѣ положительно нѣтъ равнаго Тургеневу въ изображеніи муки воспоминаній, именно свѣтлыхъ воспоминаній при мрачной дѣйствительности, — тѣмъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ были радостнѣе и свѣтлѣе прошлыя событія, ихъ вызывающія. Тургеневъ, какъ художникъ, всецѣло воспользовался тѣмъ свойствомъ человѣческой души, по которому воспоминанія о счастливомъ прошломъ, не имѣвшемъ продолженія, способны разрывать душу безотраднѣе мыслью о его невозвратности; такія страницы у него исполнены художественной красоты и производятъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Любимый герой Тургенева — „лишній человѣкъ“, съ неудавшейся жизнью, но съ хорошимъ нравственнымъ содержаніемъ, живымъ и воспріимчивымъ умомъ, чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Тургеневъ любитъ также обращаться въ своихъ произведеніяхъ къ идеѣ и факту смерти, которой оканчивается цѣлый рядъ его повѣстей и разсказовъ. Смерть представляется особенно близкой, безпощадной и неизбѣжной поэту при созерцаніи величественныхъ явленій природы: тутъ невольно является сопоставленіе грозной стихійной силы природы съ ограниченными силами и стремленіями человѣка, и сопоставленіе это получаетъ въ глазахъ поэта для человѣка самый мрачный, безотраднѣе характеръ: такова „Поѣздка въ Польшу“. Наконецъ, есть у Тургенева сплошные лирическіе потоки отчаянія, утраты всякой вѣры въ жизнь и всякой охоты жить, непреодолимой жажды смерти: таковъ, напр., отрывокъ „Довольно“ и нѣкоторыя „стихотворенія въ прозѣ“. Но предоставимъ говорить самому Тургеневу.

Въ повѣсти „Переписка“, написанной именно въ формѣ переписки между двумя лицами, мужчиной и женщиной, одинъ изъ корреспондентовъ, Алексѣй Петровичъ С., такъ оплакиваетъ свою невозвратно прошедшую молодость:

„Да, прошла моя молодость, прошла невозвратно!... Вот она лежит передо мной, вся, как на ладони...

Невеселое зрѣлище! Признаюсь вамъ, Марья Александровна, мнѣ очень жаль самого себя. Боже мой! Боже мой! Возможно ли, чтобъ я самъ до такой степени испортилъ собственную жизнь, такъ безжалостно путалъ и мучилъ себя... Теперь я образумился, но ужъ поздно. Случалось ли вамъ спасти муху отъ паука? Случалось? Помните, вы посадили ее на солнцѣ; крылья, ножки у ней слѣзлены, склеены... Какъ она неловко движется, какъ неловко старается очиститься!... Послѣ долгихъ усилій, она кое-какъ оправляется, ползетъ, пытается расправить крылья... но не гулять ужъ ей по прежнему, не жужжать беззаботно на солнцѣ, то влетая черезъ раскрытое окно въ прохладную комнату, то опять свободно выносясь на горячій воздухъ... Она по крайней мѣрѣ не по своей волѣ попала въ грозныя сѣти... а я!

Я былъ собственнымъ своимъ паукомъ.

И между тѣмъ, я не могу слишкомъ винить себя. Да и кто, скажите на милость, кто бываетъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь виноватъ — одинъ? Или, лучше сказать, всѣ мы виноваты, да винить-то насъ все-таки нельзя“¹⁾.

Онъ того мнѣнія, что „у каждаго человѣка есть своя судьба“, и судьбу эту приравниваетъ къ стихіѣ, а затѣмъ продолжаетъ:

„Каждый дѣлаетъ свою судьбу — да!... но нашъ братъ слишкомъ много ее дѣлаетъ — вотъ въ чемъ наша бѣда! Слишкомъ рано пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ рано начинаемъ мы наблюдать за самими собою... У насъ русскихъ нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности, и вотъ мы, едва возмужавъ дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность! Не получивъ извнѣ никакого опредѣленнаго направленія, ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя, что хотимъ... нельзя же требовать отъ каждаго, чтобъ онъ тотчасъ понялъ бесплодность ума, „кипяцатки въ дѣйствиіи пустомъ“... и вотъ опять на свѣтѣ однимъ уродомъ больше, больше однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ, смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ жалкимъ лукавствомъ... однимъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной мысли которыхъ незнакомо во-вѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія... Совмѣщая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей, выкупающей стороны... Мы глупы какъ дѣти, но мы не искренни какъ они; мы холодны какъ старики, но старческаго благоразумія нѣтъ въ насъ... За то мы психологи. О, да, мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологию; наша психологія — это хитрое изученіе законовъ большого

1) Соч. VII, 104.

состоянія и большого развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла. . . А главное, мы не молоды, въ самой молодости не молоды!¹⁾

Въ послѣднемъ письмѣ, которымъ заканчивается „Переписка“, то же лицо, обращаясь къ себѣ, говоритъ:

„Экая, какъ подумаешь, моя судьба-то! Въ первой молодости я непремѣнно хотѣлъ завоевать себѣ небо . . . потомъ я пустился мечтать о благѣ всего человѣчества, о благѣ родины; потомъ и это прошло: я думалъ только, какъ бы устроить себѣ домашнюю, семейную жизнь . . . да споткнулся о муравейникъ — и бухъ о-земь, да въ могилу. . . Ужъ какіе мы, русскіе, мастера кончать такимъ манеромъ!²⁾

а затѣмъ заканчиваетъ письмо такимъ глубоко-грустнымъ обращеніемъ къ своей корреспонденткѣ:

„Живите, живите долго и счастливо, и помните одно: останетесь ли вы въ той степной глуши, гдѣ вамъ иногда такъ тяжело бываетъ, но гдѣ бы мнѣ такъ хотѣлось провести мой послѣдній день, — вступите ли вы на другое поприще — помните: жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ, пока можете, а подкосятся ноги, сядьте близъ дороги, да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти: вѣдь и они недалеко уйдутъ! Я прежде вамъ не то говорилъ, да смерть хоть кого научить. А впрочемъ, кто скажетъ, чтó такое жизнь, чтó такое истина? Вспомните, кто не далъ на этотъ вопросъ отвѣта. . .“³⁾

(Въ другой повѣсти, того же 1855 года, „Фаустъ“, также написанной въ формѣ писемъ, нѣкто Павелъ Александровичъ Б., въ письмѣ къ своему другу, высказываетъ такія мысли о жизни:

„Кончая, скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе . . . жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло наконецъ тебѣ въ глаза.

1) Соч. VII, 105—106.

2) Соч. VII, 132—133.

3) Соч. VII, 133.

Прощай! Прежде я прибавилъ бы: будь счастливъ; теперь скажу тебѣ: старайся жить, оно не такъ легко, какъ кажется“¹⁾.

По характеру и тону обѣихъ повѣстей, нельзя сомнѣваться, что приведенныя признанія идутъ въ сущности отъ лица самого автора; оба произведенія имѣютъ чисто-лирической характеръ. И вотъ, мы видимъ, что приблизительно въ одно время Тургеневъ высказываетъ о жизни два мнѣнія, одинаково грустныя и безотрадныя, но въ остальномъ различныя: въ то время какъ въ „Перепискѣ“ онъ считаетъ лучшимъ исходомъ въ этой жизни поменьше „размышлять о ней“ и „принимать спокойно ея немногіе дары и спокойно пользоваться ими“, въ „Фаустѣ“ онъ уже говоритъ о „желѣзныхъ цѣпяхъ долга“, о которыхъ нужно заботиться человѣку и безъ котораго онъ „не можетъ дойти, не падая, до конца своего поприща“. Ясно, что Тургеневъ и тамъ и тутъ мрачно смотритъ на жизнь, только въ одномъ случаѣ онъ ищетъ выхода въ легкомъ отношеніи къ жизни, а въ другомъ — относится къ вопросу уже серьезнѣе. Тутъ мы присутствуемъ при ростѣ тургеневскихъ воззрѣній, еще не получившихъ опредѣленности.)

Въ „Поѣздкѣ въ Польшу“, написанной въ 1857 году и представляющей одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Тургенева по выразившемуся въ немъ настроенію автора, при видѣ величавой природы поэтъ приходитъ къ мысли о силѣ и могуществѣ смерти.

Вотъ начало разсказа:

„Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ „Польша“ напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же: та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, — говоритъ природа человѣку, — я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть“. Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкается, оно играетъ всеми красками, говоритъ всеми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ-будто намъ нечуждой. Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ

1) Соч. VII, 238.

или воесть глухо — и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихій; нѣтъ — вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу“¹⁾.

Среди этой природы на поэта вѣетъ не жизнью, а „отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и величавымъ“, сердце его „ноетъ“; онъ чуетъ „вѣяніе смерти“ и слышитъ только „тихий и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби“. Эта обстановка навѣваетъ на него грустныя воспоминанія:

„Вотъ мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалами; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всеми ея ошибками и начинаніями, съ беспорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ. . . Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій. . . потомъ, какъ молнія въ ночи, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній. . . потомъ начали наростать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразныя годы — и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою я передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли умѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла — вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто — это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полного, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала: вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ — и ни одна капля не смочила алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья. . . вы и звучали только — когда рвались. Или, можетъ быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой — да, я не умѣлъ признать его божественнаго лица! Или оно точно посѣщало меня

1) Соч. VII, 239—240.

и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ, повторялъ я уныло. Неуловимые образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье. . . А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, приучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: „прости“ и „навсегда“. Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга; не смотри туда, гдѣ блаженство и вѣра и сила — тамъ не наше мѣсто“! 1).

Нѣкоторыя изъ „стихотвореній въ прозѣ“ представляютъ собою превосходное выраженіе настроенія автора: таковы въ особенности „Лазурное царство“, „Монахъ“, „Природа“, „Разговоръ“, „Старуха“, „Насѣкомое“.

Наконецъ, чисто-лирической отрывокъ „Довольно“, относящійся къ 1864 году, является высоко-поэтической и исполненной необыкновенной грусти исповѣдью художника, потерявшего вѣру въ свое искусство и въ самую жизнь. Тутъ опять не можетъ быть сомнѣнія, что во многомъ это — мысли и чувства самого Тургенева. Даже самое заглавіе приводитъ на память одно мѣсто изъ письма Тургенева къ Я. П. Полонскому въ 1877 году изъ Парижа; говоря о неуспѣхѣ первой части только-что вышедшей „Нови“, онъ пишетъ: „во всякомъ случаѣ — и какое бы ни сложилось рѣшительное мнѣніе публики — это уже, конечно, послѣдняя моя работа. Довольно“! 2).

Отрывокъ начинается такъ:

„Довольно, — говорилъ я самому себѣ, между тѣмъ какъ ноги мои, нехотя переступая по крутому скату горы, несли меня внизъ, къ тихой рѣчкѣ; „довольно“, — повторялъ я, вдыхая смолистый запахъ сосновой рощи, которому свѣжесть наступающаго вечера придавала особенную крѣпость и остроту; „довольно“, — сказала я еще разъ, усѣвшись на моховомъ бугрѣ надъ самой рѣчкой и глядя на ея тѣмныя и небыстрыя

1) Соч. VII, 248—250.

2) Письма, стр. 311.

волны, надъ которыми толстый тростникъ поднималъ свои блѣдно-зеленыя стебли. . . „Довольно!“ — Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать. Полно нѣжиться сладкой нѣгой неопредѣленныхъ, но плѣнительныхъ ощущеній, полно бѣжать за каждымъ новымъ образомъ красоты, полно ловить каждое трепетаніе ея тонкихъ и сильныхъ крыль. — Всѣ извѣдано — все пере-чувствовано много разъ . . . усталъ я. — Чтѣ мнѣ въ томъ, что въ это самое мгновеніе заря все шире, все ярче разливается по небу, словно распаленная какою-то все-побѣдною страстію? Чтѣ въ томъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, среди тишины и нѣги и блеска-вечера, въ росистой глубинѣ неподвижнаго куста, соловей вдругъ сказался такими волшебными звуками, точно до него на свѣтѣ не водилось соловьевъ, и онъ первый запѣлъ первую пѣсню о первой любви? Все это было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ — и какъ вспомнишь, что все это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность — словно по указу, по закону — даже досадно станеть! Да . . . досадно!“¹⁾).

Далѣе — опять поэтъ говоритъ о безсиліи человѣка противъ „судьбы“, о непрочности его стремленій. Но, потерявъ вѣру въ жизнь, художникъ хватается за послѣднія опоры, которыя имѣли для него нѣкогда великую силу; однако и они представляются ему теперь въ совершенно другомъ видѣ:

„Но развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: „Народность, право, свобода, человѣчество, искусство?“ Да: эти слова существуютъ, и много людей живетъ ими и для нихъ. Но все-таки мнѣ сдается, что если бы вновь народился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его пронизательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту; все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи. То же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безмысленныя страданья во имя . . . ну хоть во имя того же вздора, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ осмѣяннаго Аристофаномъ, тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя также легко попадается многоголовый звѣрь — людская толпа, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды — словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ. . .

Но искусство? . . . красота? . . . Да, это сильныя слова; они, пожалуй, сильнѣе другихъ, мною выше упомянутыхъ словъ. Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89-го года. . . Искусство, въ данный мигъ, пожалуй, сильнѣе самой природы, потому что въ ней нѣтъ ни симфоніи Бетговена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте — и одни лишь тушые педанты или недобросовѣстные

1) Соч. VIII, 41—42.

болтуны могут еще толковать объ искусствѣ, какъ о подражаніи природы; но въ концѣ-концовъ природа неотразима; ей слѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго. . . Человѣкъ ея дитя; но человѣческое — искусственное — ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ. Человѣкъ дитя природы: но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтеній: все, что существуетъ въ ея лонѣ, возникло только на счетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому — она создаетъ, разрушая, и ей все равно: чтó она создаетъ, чтó она разрушаетъ — лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ. . . А потому она такъ же спокойно покрываетъ плесенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла. Люди, правда, ревностно помогаютъ ей въ ея истребительной работѣ; но развѣ не та же стихійная сила, не сила природы сказала въ палицѣ варвара, безмысленно дробившаго лучезарное чело Аполлона, въ звѣриныхъ вопляхъ, съ которыми онъ бросалъ въ огонь картину Апеллеса? Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, бѣднымъ художникамъ сладить съ этой глухой силой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая? Какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ, безконечно и безустанно надвигающихся волнъ, какъ повѣрить наконецъ въ значеніе и достоинство тѣхъ бранныхъ образовъ, которые мы, въ темнотѣ, на краю бездны, лѣшимъ изъ праха и на мигъ? ¹⁾

III.

Приведенный матеріалъ, безъ сомнѣнія, достаточенъ для ознакомленія съ характеромъ тургеневскаго пессимизма; но теперь весьма естественно спросить: каково его происхожденіе, гдѣ его источникъ? Въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь идетъ не о той сторонѣ этого настроенія, которая обязана своимъ существованіемъ чисто личнымъ причинамъ: долготлѣтная болѣзнь Тургенева, приведшая его къ мучительной смерти, его одиночество и неудовлетворенность въ личномъ счастіи, котораго онъ такъ желалъ, безъ сомнѣнія могли быть источникомъ тѣхъ порывовъ отчаянія, той потери вѣры въ себя и свои силы и того страха смерти, которыя мы встрѣчаемъ въ изобиліи въ его письмахъ; эти стороны принадлежатъ

1) Соч. VIII, 50—53.

Т-ву какъ человѣку, и въ его сочиненіяхъ выразились сравнительно весьма мало. Тургеневъ, какъ авторъ, раскрываетъ передъ нами еще особый родъ пессимизма — ту тихую, глубоко въ его душѣ коренящуюся и повидимому безпричинную грусть, которая проникаетъ многія его произведенія и которую трудно формулировать; она лишена рѣзкихъ чертъ, но читатель ее хорошо чувствуетъ. Эта именно грусть, разлитая въ произведеніяхъ Тургенева, наполняетъ ихъ по мѣстамъ такой глубокой, иногда нѣсколько мечтательной поэзіей, противъ которой трудно устоять и которая дѣлаетъ Тургенева любимымъ авторомъ созрѣвающей юности — эпохи жизни, наиболѣе склонной къ идеальнымъ порывамъ и безотчетной, романтической грусти. Источникъ столь коренного свойства Тургеневской поэзіи не могъ лежать въ случайныхъ или частныхъ обстоятельствахъ; его слѣдуетъ искать дальше.

Указанія на поэтическій пессимизмъ Т-ва и попытки объясненія его источниковъ принадлежатъ болѣе иностранной критикѣ, нежели русской. Нѣмецкій критикъ Юліанъ Шмидтъ причину Тургеневскаго пессимизма готовъ видѣть во вліяніи нѣмецкой философіи и французской литературы: „Жоржъ Зандъ, Бальзакъ, Викторъ Гюго и т. д. въ своихъ образахъ извратили всѣ нравственныя понятія; они прилагали къ чувству любви такой анализъ, который противорѣчилъ всѣмъ существовавшимъ до того представленіямъ: любовь, и именно истинная, глубокая любовь есть слѣпая сила природы, неизлѣчимая болѣзнь, часто подрывающая не только счастье жизни, но и характеръ любящаго существа. На Тургенева — художника эти французскіе романы сильнѣе вліяли, нежели нѣмецкая философія (т. е. идеалистическая философія Гегеля и его ближайшихъ учениковъ); но вотъ снова нѣмецкая философія появилась на помощь этимъ поэтическимъ парадоксамъ: у молодыхъ русскихъ Гегель смѣнился Шопенгауеромъ“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ объ этомъ предметѣ тотъ же критикъ

1) Иностранная критика о Тургеневѣ. Спб. 1884, стр. 25—26.

говорить: „Образованный русскій, почерпающій свои идеалы изъ чужбины, находится въ извѣстной изолированности, но народная душа и въ немъ не совсѣмъ подавлена. . . Я нахожу связь между этой полной отчужденностью отъ всякихъ религіозныхъ преданій и безнадежной меланхоліей, которая проявляется у нашего поэта внезапно, тамъ, гдѣ ея менѣе всего ожидаешь; она придаетъ его картинамъ своеобразную прелесть, но она поражаетъ насъ: какъ могъ чувствовать такъ писатель, обладавшій такимъ свободнымъ, такимъ богатымъ, такимъ любовнымъ пониманіемъ всего прекраснаго?“¹⁾ Т. о., Ю. Шмидтъ выставляетъ двѣ причины поэтического пессимизма Тургенева: литературныя вліянія и отчужденность отъ родныхъ религіозныхъ преданій.

Знаменитый датскій критикъ Георгъ Брандесъ посвящаетъ нашему вопросу слѣдующія строки: „Во всѣхъ твореніяхъ Т-ва пробивается глубокая струя меланхоліи. . . Въ нихъ такъ много чувства, и это чувство всегда отзывается скорбью, своеобразной, глубокой скорбью, безъ единой капли сантиментальности. Никогда Т. не отдается всецѣло этому чувству: онъ осторожно дѣйствуетъ на читателя, но ни одинъ изъ западно-европейскихъ писателей не проникнуть такой поглощающей его печалью. Насколько образы великихъ меланхоликовъ латинской расы, какъ Леопарди или Флоберъ, отличаются грубою жесткостью контуровъ, настолько германская меланхолія отзывается рѣзкимъ юморомъ, сантиментальностью или пафосомъ. Тургеневская же меланхолія, по своему общему характеру, есть именно славянская скорбь, тихая и грустная, та самая нота, которая звучитъ во всѣхъ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ“. Опредѣляя эту скорбь точнѣе, Брандесъ считаетъ ее прежде всего „скорбью мыслителя“, а также „скорбью патріота, пессимиста и друга чело-вѣчества“²⁾, т. е. приписываетъ ей съ одной стороны широкое

1) Иностр. кр., стр. 31.

2) Тамъ же, стр. 39—40, 42.

космополитическое происхожденіе, а съ другой — болѣе узкое, національное. Первую половину этого объясненія раздѣляетъ съ Брандесомъ польскій писатель и критикъ Крашевскій: „Какъ всѣ вообще дѣти переживаемаго вѣка — говоритъ онъ — Тургеневъ страдалъ неизлѣчимою тоскою. Онъ чувствовалъ увлекающія теченія, не зная, куда они приведутъ насъ. Скорбь о мірѣ, распадающемся въ развалинахъ, боролась въ немъ съ опасеніемъ, что должно было возникнуть на этихъ развалинахъ“¹⁾. Со второй же половиной объясненія Брандеса имѣютъ нѣкоторую связь сужденія извѣстнаго англійскаго знатока Россіи и русской литературы Рольстона и знаменитаго французскаго романиста Альфонса Додэ. „Славянскій темпераментъ склоненъ къ меланхоліи — говоритъ Рольстонъ — а Тургеневъ былъ чистый славянинъ“²⁾. „Русская степь — говоритъ А. Додэ — сообщила свою ширь чувствамъ Тургенева. Люди становятся лучше, прислушиваясь къ природѣ, и тотъ, кто любитъ ее, никогда не теряетъ участія и къ человѣку. Изъ этого источника вытекаетъ та сострадательная, заунывная, какъ пѣснь мужика, грусть, которая звучитъ въ глубинѣ твореній славянскаго романиста“³⁾. Т. о., оба послѣдніе критика переносятъ причину Тургеневской скорби на расовыя особенности того народа, изъ котораго вышелъ поэтъ, и, слѣд., придаютъ этой скорби нѣсколько бессознательный, инстинктивный характеръ.

Въ этихъ сужденіяхъ есть извѣстная доля правды, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которыя говорятъ о расовыхъ особенностяхъ Тургеневской меланхоліи. Но самой главной причины послѣдней, кажется намъ, ни одно изъ этихъ сужденій не называетъ. Тургеневъ былъ въ душѣ чистѣйшимъ идеалистомъ и при этомъ идеалистомъ русскимъ. Главнѣйшія черты этого идеализма прекрасно подмѣчены Н. Н. Страхо-

1) Иностр. кр., стр. 219.

2) Тамъ же, стр. 192.

3) Тамъ же, стр. 196.

вымъ: „Мы, русскіе, кажется носимъ въ себѣ зачатки идеализма необычайно высокаго, такъ сказать нѣжнаго. Отъ этого зависитъ наша впечатлительность, наша отзывчивость на всякіе идеалы, и вмѣстѣ наша вѣчная неудовлетворенность и своимъ, и чужимъ, своимъ даже преимущественно и всего сильнѣе. Въ самой первой молодости бываетъ у людей нѣчто подобное. . . . Мы, юный народъ на сценѣ міра, часто бываемъ расположены отворачиваться отъ того, съ чѣмъ связаны однакоже всеми нервами нашей души. Это — время идеаловъ, сходящихся сверху, идеаловъ на воздухъ, передъ которыми меркнетъ и является безобразною всякая дѣйствительность“¹⁾. Вотъ этотъ-то именно идеализмъ, свойственный намъ въ силу особенныхъ условій нашей исторической жизни и нашего духовнаго развитія, внѣдренный въ Тургеневъ расовыми особенностями его коренного славянскаго происхожденія и отчасти осложненный обстоятельствами личной жизни, и составляетъ, по нашему разумѣнію, главный источникъ той поэтической меланхоліи, которая щедро разлита въ произведеніяхъ нашего писателя.

1) Н. Страховъ. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Спб. 1885, стр. 165—166.

Est. A-
16817

Цѣна 25 коп.

Того же автора

(въ отдѣльныхъ изданіяхъ):

- Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886.
Къ вопросу о Кириллахъ — авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.
Серапионъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888. Ц. 2 руб.
Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова. Спб. 1890.
Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893. Ц. 50 коп.
Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Г—Ш. Кіевъ 1894. Ц. 60 коп.
Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 коп.
Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библиотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895. Ц. 50 коп.
Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ соединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю (1847—1850) и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895. Ц. 60 коп.
Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895. Ц. 50 коп.
А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ 1895. Ц. 25 коп.
О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ 1895. Ц. 10 коп.
О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка. Вступительная лекція. Юрьевъ 1895. Ц. 25 коп.
Изъ бумагъ П. И. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка. Юрьевъ 1896. Ц. 50 коп.

Изданія, при которыхъ обозначена цѣна, можно получить въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) и у автора (Юрьевъ, Университетъ).